

— Братец, открой же дверь, а не откроешь — Юйянь больше с тобой не заговорит!

За дверью слышался детский, невероятно милый голос Цзян Юйянь.

Цзян У встал с кровати и отворил дверь.

На пороге стояла Цзян Юйянь, недовольно надув губки:

— Противный братец, вечно не открываешь вовремя.

— Ладно тебе, Юйянь, перестань докучать брату!

Гунсунь Мин во главе группы людей протиснулась в комнату.

Стоявшая в стороне Цзян Доуму виновато улыбнулась молодому госпоже. Ей хотелось сделать ему подсказку, но раз уж главная госпожа была рядом, как она посмела подать голос?

— Сначала уведите Юйянь, мне нужно поговорить с У-эром!

Войдя в комнату, Гунсунь Мин взмахнула рукой и выпроводила слуг.

— Слушаемся, госпожа!

Все получили приказ. Одна из пожилых служанок попыталась взять Цзян Юйянь на руки, но та всё так же сердито смотрела на Цзян У, скрестив руки на груди, и не давала себя поднять. Надув губки, она выпалила:

— Если братец не извинится, Юйянь больше не будет с тобой играть и никогда-никогда не заговорит, хм!

— Ладно-ладно, я извиняюсь. В следующий раз я возьму тебя с собой ловить ветер-зайцев, хорошо? — улыбнулся Цзян У и подхватил Цзян Юйянь на руки.

Эта девчонка была донельзя милой и очаровательной, к тому же на редкость смышлёной.

— Братец, слово за тобой! — закричала Цзян Юйянь.

— Слово держу.

Улыбнулся Цзян У.

— М-м-ма...

Сияя от радости, Цзян Юйянь оставила на щеке Цзян У жирный мокрый след от поцелуя, сплошь покрытый слюной.

— Юйянь, ступай пока наружу, мне нужно немного поговорить с твоим братом. — Гунсунь Мин подхватила её на руки.

— Ну ладно!

Цзян Юйянь чуть склонила головку, и пожилая служанка с явным сожалением вынесла её за дверь.

Когда все вышли, Гунсунь Мин махнула рукой, и комнату окутал защитный купол. Затем она налила себе чашку чаю и неторопливо произвела:

— Слышала, сегодня утром ты столкнулся с теми двумя отпрысками из главного дома? Они не смели поднять на тебя руку?

— Нет, не посмели, — ответил Цзян У.

— И правильно, что не посмели. В этом Поместье маркиза Цинчжоу ещё не им хозяйничать. Впрочем, тебе всё равно стоит быть осторожнее: постарайся впредь избегать встреч с ними, чтобы не навлекать лишний гнев.

Гунсунь Мин кивнула.

Цзян У тоже кивнул:

— Я знаю.

— Ладно, я приставлю к тебе двух стражников. Кстати, ты ведь сегодня снова занимался культивацией? — спросила Гунсунь Мин.

Цзян У промолчал, а вместо этого задал встречный вопрос:

— Как отец? Что с ним?

— У твоего отца, само собой, нет никакой смертельной угрозы, но в этом месяце он вряд ли вернётся. Можешь не беспокоиться: пока я жива, можешь, как и прежде, есть, пить и веселиться на здоровье. А вот с культивацией... пока повремени. Вернётся твой отец — я обсужу это с ним, и, если будет возможность, мы отправим тебя в секту Цингуан. Раз уж путь боевых искусств заказан, почему бы не ступить на тропу бессмертных! — произнесла Гунсунь Мин.

У Гунсунь Мин были все основания для такой уверенности: её собственный отец являлся главным старейшиной секты Цингуан. Стоило клану Цзян дать согласие, и на той стороне не возникло бы ни малейших проблем. Причина, по которой Цзян У столько лет не мог отправиться в секту Цингуан изучать путь бессмертных, заключалась в том, что старейшины клана Цзян категорически отказывались его отпускать.

Клан Цзян поднялся благодаря боевым искусствам. За три тысячи лет у них рождалось немало потомков, неспособных к культивации, но их никогда и ни за что не отправляли в секты бессмертных. В этом заключалась гордость и неколебимая основа клана Цзян!

В Диком Мире многие древние кланы боевых искусств смотрели на путь бессмертных свысока, считая его лишь ересью и окольными путями. Ладно бы ещё удавалось постичь его в совершенстве, а если нет... в роду лишь прибавится хлопот.

И подобные случаи уже случались: в Диком Мире хватало примеров, когда родовой наследник клана Цзян, не сумев овладеть боевыми искусствами, переходил на путь бессмертных, а в итоге из-за особенностей тамошней культивации лишался права унаследовать пост главы клана. Ослеплённый яростью, он с помощью тайных техник бессмертных перебил множество сородичей из клана Цзян — мало того, что погиб сам глава клана, так ещё и несколько старейшин пали от запретных искусств.

Можно сказать и так:

Воины питали глубочайшее презрение к адептам бессмертия, полагая, что те лишь развивают дух и душу, сворачивая на ложный путь, ведь как вести за собой войска в походы без мощной плоти и сокрушительной боевой мощи? Но в то же время они до смерти боялись невидимых смертоносных тайных техник культиваторов.

— Об этом... давай поговорим позже!

Цзян У горько усмехнулся. Он прекрасно понимал, как трудно будет добиться согласия рода — пожалуй, даже тот дед, что любил его больше всех, вряд ли дал бы добро. И всё же путь бессмертных был целиком сосредоточен на развитии Божественного Дворца и духовной сущности души, достигая в постижении духовного плана небывалых высот, и у него на этот счёт имелись свои соображения.

— Хорошо, тогда дождёмся возвращения твоего отца! — Гунсунь Мин знала суровые порядки клана Цзян и не стала настаивать.

— Ма... матушка, на самом деле я...

Просидев в тишине секунд четыре-пять, Цзян У заговорил, но не знал, как подобрать слова. Тогда он просто протянул палец, и на его кончике закрутился вихрь истинной ци.

— У-эр, ты можешь культивировать? С каких пор?

Гунсунь Мин резким движением вскочила на ноги, а её глаза засияли от безудержной радости.

— Наверное, в прошлый раз вышло случайно, в ходе столкновения открылись некоторые меридианы. Всё это время я упорно занимался, и результаты вполне неплохие, — с улыбкой ответил Цзян У.

— Сначала возвращение ци, а затем закалка тела? Что ж, такой подход тоже имеет право на жизнь. Раз истинная ци сформирована, она естественным образом защитит жизненно важные точки перед закалкой тела. Отлично, прекрасно, это просто замечательно! Я сейчас же объявлю об этом на всю провинцию, пусть кое-кто наконец обретёт душевное спокойствие!

Гунсунь Мин была безумно счастлива, ей казалось, что она сейчас потеряет рассудок от ликования.

— Матушка, мне кажется... лучше пока сохранить это в тайне! Кое-кому нравится скакать туда-сюда — ну так пусть себе скачут. Отец уже больше трёх месяцев ведёт поход в Восточном Море, а от него всё ещё нет вестей, наверняка некоторые уже теряют терпение. Если просочится слух, что я могу культивировать, это заставит иных крыс сорваться с цепи и пойти на отчаянные шаги. По-моему, лучше дать им порезвиться, а потом, когда отец вернётся, раздавить их всех разом! — улыбнулся Цзян У.

— У-эр повзрослел, а мать твоя потеряла голову от нетерпения.

Гунсунь Мин успокоила бурю в душе, быстро сообразив, в чём тут кроется главный смысл.

— Матушка, культивировать прямо в поместье — значит неизбежно привлекать лишнее внимание, поэтому я бы хотел на какое-то время уехать.

Помолчав с десяток секунд, Гунсунь Мин произнесла:

— Что ж, ладно. Я велю выделить тебе двух стражников. Двое воинов, двое адептов бессмертия — пока не встретится грозный противник, путь будет безопасен. Но эта поездка... боюсь, кроет в себе немало опасностей.

— Какая же жизнь без опасностей, как иначе вырасти? — возразил Цзян У.

— Отец твой вечно так, и ты туда же. Эх, я... — лицо Гунсунь Мин омрачилось тоской.

— Матушка, не переживай, со мной ничего не случится, — заверил Цзян У.

— Хорошо, я поговорю с твоим дедом. А отбыл ты будто бы навестить родню, так будет лучше!
— распорядилась Гунсунь Мин.

— Я понял! — кивнул Цзян У.

Подобная уловка явно предназначалась для того, чтобы урезать число неприятностей в дороге. Хотя секта Цингуан не являлась сильнейшей среди сект бессмертных, она всё же входила в число Девяти Сект.

Три Дворца и Девять Сект представляли собой двенадцать мощнейших объединений в мире бессмертных!

Три Дворца главенствовали, Девять Сект следовали за ними.

Секта Цингуан занимала седьмое место среди Девяти Сект, но в пределах Восточных Пустошей стояла на втором, и даже правители целых провинций предпочли бы не связываться с таким исполином.

— Слышал, в Цзяньчжоу и Линчжоу беспокойно?

Мать и сын сидели друг напротив друга. Помолчав ещё немного, Цзян У нарушил тишину.

— Да, Цинчжоу вместе с Цзяньчжоу и Линчжоу снарядили совместный поход на Восточное Море. Ныне маркизы Цзяньчжоу и Линчжоу уже вернулись, и лишь от твоего отца по-прежнему нет никаких вестей. Из всех трёх провинций Цинчжоу — самая крупная, так что вполне естественно, что у кое-кого на уме завелись недобрые мысли. Но пока твой отец жив, а я стою на ногах, всё, на что они способны — это лишь мелкие пакости.

С гордостью на лице произнесла Гунсунь Мин.

Маркиз Цинчжоу Цзян Тяньсинь славился как небывалый гений клана Цзян, достигший полубожественной ступени всего в сорок восемь лет. К тому же его боевая мощь была поистине выдающейся, и никто не осмеливался смотреть на него свысока.

Не будь оно так, прошлый глава клана ни за что не передал бы бразды правления младшему сыну.

<http://bllate.org/book/20905/2113372>